

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ "CHRONOS"
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
СБОРНИК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ**

**«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК»
ВЫПУСК 2(16)
(03 июля 2019г.)**

г. Москва- 2019

© Научный журнал "Chronos"

УДК 320
ББК 60

Сборник публикаций научного журнала "Chronos" «Актуальные вопросы общественных наук» выпуск 2 (16) г. Москва: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). –М : Научный журнал "Chronos ", 2019. – 40с.

Тираж – 300 экз.

УДК 320
ББК 60

Издательство не несет ответственности за материалы, опубликованные в сборнике. Все материалы поданы в авторской редакции и отображают персональную позицию участника конференции.

Контактная информация организационного комитета конференции:

Научный журнал «Chronos»

Электронная почта: society@chronos-journal.ru

Официальный сайт: chronos-journal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Алиева С. Ш. ЭСТЕТИКА ИСЛАМСКОЙ ПОЛИВНОЙ КЕРАМИКИ УЗБЕКИСТАНА.....	4

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Пашкова Т. В. ПРОГНОСТИКА ЗАБОЛЕВАНИЙ В РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ КАРЕЛОВ	8
Даноян В. Л. ВКЛАД ГОРОДСКОЙ ДУМЫ В РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ В 1870-1892 ГГ.	10

ФИЛОЛОГИЯ

Балута А. А. ФОРМИРОВАНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЕРУНДИВА В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ И ДРЕВНЕЙШИХ ДЕШИФРОВАННЫХ ЯЗЫКАХ	14
Saparbaeva G. M. STUDYING ELEMENTS OF ONOMASIOLOGY IN ENGLISH	15
Saparbaeva G. M., Pirnazarova M. M., Egamberganova Y. T. VOCABULARY TEACHING STRATEGIES USING IN ESP CLASSES.....	17
Чемоданова В. А. СОЦИОМОРФНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ НЕГАТИВНОГО ОБРАЗА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	19

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

ЭСТЕТИКА ИСЛАМСКОЙ ПОЛИВНОЙ КЕРАМИКИ УЗБЕКИСТАНА

Алиева Сурайё Шариповна

*доктор искусствоведения, с. н. с.,
института Искусствознания АН РУз,
проректор по науке Национального
института художеств и дизайна имени
Камолитдина Бехзода (Узбекистан, Ташкент)*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности художественного стиля поливной керамики Узбекистана в контексте формирования исламской эстетики. Также, изучается семантика орнаментальных образов. Развиваясь под непосредственным воздействием ислама, средневековая орнаментальная система значительно расширила круг сюжетов и образов. Происходило обогащение мусульманской орнаментики также за счет местных традиций народов, принявших ислам.

Annotation. The article discusses the features of the artistic style of glazed ceramics of Uzbekistan in the context of the formation of Islamic aesthetics. Also, the semantics of ornamental images is studied. Developing under the direct influence of Islam, the medieval ornamental system significantly expanded the range of subjects and images. There was an enrichment of Muslim ornamentation also due to the local traditions of the peoples who converted to Islam.

Ключевые слова: керамика, семантика, орнаментика, генезис, симбиоз, эпиграфика, антропоморфные, геометрический, зооморфный, растительный, глазурь.

Keywords: ceramics, semantics, ornamentation, genesis, symbiosis, epigraphy, anthropomorphic, geometric, zoomorphic, vegetative, glaze.

Интенсивное развитие феодализма, связанное с объединением многих государств в систему общехалифатского института управления, и соответствующим повышением производительности труда, коммуникабельности растущих феодально-торговых городов, привело к расцвету и росту значения художественных ремесел. Это в свою очередь породило не только технологические нововведения и огромное количество разнообразных по форме и назначению предметов быта, но и поставило перед средневековыми мастерами задачи эстетического освоения этих вещей в иных исторических условиях.

С конца VIII – начала IX вв. в Средней Азии появляется и получает распространение поливная керамика, достигшая на протяжении IX – начала XIII вв. высокого уровня развития. Этот период ознаменован также возникновением нового орнаментального стиля, технологической революцией в керамике, вызванной появлением поливы. «В жизни общества это был период внедрения ислама как господствующей идеологии, что нашло непосредственное отражение в искусстве. Он нашел отражение в стирании локальных этнокультурных границ по всему мусульманскому миру, что было связано с доминирующей ролью политико-конфессионального фактора, определяющего и развитие художественной культуры мусульманского мира» /1, с.156/. Технология поливы, имевшая заимствованный характер, дала необычайно богатые плоды в культуре и искусстве Узбекистана.

В крупнейшем центре гончарного ремесла региона Самарканде начиная с конца VIII века развивается производство поливной керамической посуды. Результаты, полученные при археологических работах на городище Афрасиаб, свидетельствуют о существовании целых кварталов мастеров-керамистов, производящих как рядовую продукцию, так и уникальные образцы. Изготавливаемая посуда была открытой и закрытой формы. К закрытым относились кувшины и горшкови́дные чаши, к открытым – различные блюда (ляган, коса, шокоса). Декор наносился по тулову или горловине горизонтальными поясами. В основном это растительный или геометрический орнамент, иногда стилизованные изображения птиц, животных и людей, языком символов отражающих местную символику и фольклорные представления.

Нужно отметить, что характерный для всего региона декор керамики – стилизованные изображения птиц и животных на поливной керамической посуде – сохраняет связь с формами живой природы, но преобладает их чрезвычайная стилизация, мотивы несут в себе символику, унаследованную еще с доисламских времен. Это связано с тем, что искусство Средней Азии IX-X веков было последней вспышкой древних культур – согдийской, тохаристанской, хорасанской, хорезмийской, ферганской.

Совершенно новым явлением в среднеазиатской керамике, как и всех мусульманских стран, стал эпиграфический орнамент на основе принятой во всех этих странах арабской письменности. Особенного совершенства достигает керамическая эпиграфика на сосудах X-XII вв., изготовлявшихся в Самарканде (городище Афрасиаб), а также других керамических центрах региона: Шаш, Фергана, Чаганиан, Мерв, Хорезм и др. Нужно отметить, что ферганская, шашская и чаганианская керамика при всем своем своеобразии сохраняют черты стилового единства с афрасиабской керамикой. Что касается поливной керамики юго-западных районов (Мерв, Хорезм) /2, с.45; с. 178; с.290; с.55./, то она была больше связана с традициями хорасанской керамики (Нишапур), что отразилось как в технологии (появление

люстравидной керамики), так и в большом разнообразии ее орнаментики. Также в достижении художественного эффекта изделий поливной керамики большую роль играла технология глазури.

Отмечено три основных вида почерков, по которым можно проследить эволюцию декора: простое куфи, которому присуща геометризованная строгость начертания и общая стройность букв; более позднее цветущее куфи относительно редко и отличается от аналогичного стиля каллиграфического стиля в архитектурной эпиграфике (где буквы перерастают в растительные завитки и сплетения) расщепами на утолщенных концах букв. Весьма распространен был с X в. и позднее керамический курсив, который характеризует округлость начертания букв с нажимами и утоньшениями и со склонением верхушек.

Содержания самих надписей подразделяют на две основные группы. Это надписи- благопожелания, из которых наиболее распространены «барака» – «благословение», «альюмн» – «благополучие» и ряд других слов этого плана: счастья, радости, блага, здоровья. «Широкое распространение этих пожеланий в одной и той же сокращенной форме от Средней Азии до Северной Африки заставляет думать, что был некоторый период унификации различных форм благопожелания, употреблявшихся в разных местах разными мастерскими»/3, с.73/.

Другая группа – назидательные надписи: «Корень учения горек на вкус, но результат его слаще меда», «Щедрость – из душевных качеств праведников», «Щедрость – страж чести и имущества», «Терпение – ключ радости, здравия и счастья» и ряд других подобных нравоучительных сентенций /4, с.212/. Пословицы и поговорки – это коллективная народная мудрость, или объективная истина, отражающая действительность в конкретно-исторических условиях. Эстетические черты определялись своеобразием почерка надписи, которые выступали уже как элемент декора. В этом случае существенная черта образности – стремление показать назначение предмета в жизни и подчеркнуть его художественные качества.

В более позднем по времени изготовлении афрасиабской керамики (XII-начало XIII вв.) эпиграфика уступает место геометрическим мотивам, что исследователи связывают с изменениями этнического фона /5, с.140/.

Геометрические фигуры из второстепенных элементов декора превращаются в один из главных и становятся то основным орнаментом, то орнаментальным узлом. Нередко в растительный узор превращаются буквы эпиграфических надписей, а также хвосты и клювы птиц. На многих изделиях господствует геометрический орнамент в виде плетенок, квадратов, треугольников, имеющие аналогии с мотивами древней расписной керамики, но распространившихся в данный период в связи с активным развитием математических наук и включением орнамента в архитектурный декор. Такой поворот изображению объектов реальной действительности и передача им древних смыслов, при господстве ислама, объясняется исторической средой, когда развитие науки и культуры достигло выдающихся результатов, а философская мысль, овеянная античным миропониманием, поднималось до утверждения познаваемости мира. «Такие религии как ислам, обладают системой верований как своего рода «когнитивной картой» этого и трансцендентного миров. Подобная доктринальная система является попыткой ясной и всеобъемлющей экспликации того, что выражено в мифологическом и символическом языке соответствующего религиозного сообщества, а также имплицировано в культе» /6, с.31/.

Таким образом, в поливной керамики Средней Азии IX - начала XIII вв. наблюдается процесс десемантизации конкретных мотивов и их эстетизация, превращение в самоценный узор, хотя отдельные мотивы еще сохраняют прежнее магическое или культовое значение /7, с.90/. Развиваясь под непосредственным воздействием ислама, средневековая орнаментальная система значительно расширила круг сюжетов и образов. Происходило обогащение мусульманской орнаментики также за счет местных традиций народов, принявших ислам.

В результате широких торгово-экономических контактов государства Амира Темура в XIV веке появляется новый тип керамики – подражание импортному китайскому фарфору. Декор его первых образцов представляет собой имитацию дальневосточных мотивов и сюжетов, но постепенно местные мастера начинают вносить свои элементы, и возникает новый синкретический стиль. Амир Темур, концентрируя творческие силы эпохи в своей столице, проводит политику интернационализации искусства, активно используя художественный опыт сопредельных народов и стран. «Прежняя тюрко-согдийская форма симбиоза предстает в виде нерасчленимого, среднеазиатского синкретизма в искусстве, вступающего во взаимодействие с традициями китайского, иранского, индийского искусства» /8, с.156/.

Крупнейшим ведущим центром керамического производства в эпоху Темуридов был Самарканд, вместе с тем близкую по стилю самаркандской керамики продукцию производили в Ташкенте, Бухаре, Шахрисябзе, Мерве, Нисе. Но именно здесь, в столице идет сложение нового стиля керамического декора, который оказал определяющее влияние на гончарную продукцию других центров.

Среднеазиатские мастера, не знавшие секретов изготовления фарфора, использовали взамен каолина пористый силикатный черепок – кашин, который в керамике применялся уже с XII в., а к концу XIV в. – при исполнении наборных резных мозаик в архитектуре /9, с.204/. В качестве красителя в росписях употреблялся тот же кобальт, который использовали и китайцы, ввозивший этот металл из Персии, но порой и другие красители, дававшие исчерно-зеленый, а позднее – марганцево-фиолетовый цвет. Отличие от домонгольской керамики состоит не только в живописной гамме сине-белой керамики, ее технологических особенностях, но и большей импровизации художников. Однако, следует подчеркнуть,

что если на первых порах имеет место прямое копирование китайских мотивов и символов, таких, как лотосы и хризантемы, парные персики, стилизованные облака, птица феникс, аисты и др., то со временем эти мотивы видоизменяются и приближаются к стилистике растительного декора ислими. В декоре темуридской керамики все ярче проявлялись исконно местные традиции рисунка, ставшие логическим продолжением местных традиций и имевшие глубокую локальную подоснову. Трансформация стиля керамического декора протекала в русле изменений, которые затронули все мусульманское искусство, развившееся от аниконичности первых веков ислама в сторону изобразительности.

Весьма разнообразны и формы изделий темуридской керамики. Это блюда двух видов – глубокие, на кольцевой ножке, с плоско отогнутым ровным бортом и мелкие с невысоким прямым и ровным бортом – и всевозможные кувшины. Некоторые их разновидностей весьма редки и не имеют близких аналогов. Возможно, они изготовлялись в ограниченном количестве по заказам. Очевидно, что почти все существующие ныне типы фарфоровидных изделий сложились именно в этот период.

На протяжении XVI в. поливная керамика еще продолжает традиции искусства предшествующего столетия, но к концу XVI- началу XVII вв. импортированный и дорогой кобальт заменяется красителями более низкого качества, кашинный черепок уступает место глиняному. Это отразилось на общем облике керамической посуды – она стала более грубой и толстостенной. Однако, простота этих керамических изделий в сочетании с яркой жизнерадостной орнаментикой, свободной от жестких канонов построения, придает им самобытное звучание. Орнаментальные мотивы традиционны – цветочно-растительные и геометрические узоры.

Таким образом, XIV –XVI вв. в художественной керамике возникает новый синкретический стиль. Использование пейзажно-зооморфных мотивов, связанных с взаимовлияниями, сопровождается активным процессом усиления орнаментально-декоративного начала, дальнейшего дробления и измельчения орнаментальных форм и мотивов. В целом преемственность в орнаментальном стиле сохраняется, наполняясь новым содержанием, в общих чертах не теряет прежней динамики, а еще более усиливается, что косвенно подтверждают материалы торевтики Средней Азии этого периода.

Средневековое искусство все активнее вырабатывает орнаментальные приемы и принципы композиции и рисунка. Стилиевые процессы, протекающие в поливной керамике этого времени, имели основополагающее значение для формирования орнаментального стиля и системы узоростроений в керамике всех последующих столетий в центральноазиатском регионе.

XVII - пер.пол.XIX вв. – период возникновения и развития на территории региона трех ханств: Хивинского, Бухарского, Кокандского. Художественная керамика этого периода концентрируется в отдельных очагах, локализуясь по месту производства и стилю. Различие этих стилей гораздо глубже и шире, так как они касаются не только форм изделий и приемов компоновки узора, но имеют свои совершенно разные подчас истоки и глубинные корни. Взаимопроникновение традиций в художественной керамике в этот период проявляется в образовании отдельных этнокультурных зон внутри региона, основанных на взаимодействии тюркоязычных народов как между собой, так и с таджиками, что приводит к окончательному симбиозу узбекской и таджикской культур. Орнаментика в целом сохраняет прежний тематический состав – знаки символы, геометрические, растительные узоры, реже встречаются элементы зооморфной тематики, что касается антропоморфных мотивов, то они практически не обнаружены. Наиболее богато представлена керамика конца XIX - начала XX века.

В конце XIX – начале XX века в связи с активным ростом промышленного производства традиционные виды художественных ремесел стали исчезать, в первую очередь в крупных городах как Самарканд, Ташкент, Бухара, Хива. Так в Самарканде насчитывалось лишь 14 гончарных мастерских. Сохранились имена известных в городе мастеров – Уста Султан ходжа, Уста Сафарбай, Уста Абдугафар. Нур-Махмат, которые изготавливали покрытые поливной глазурью шокоса (миски), кугача (кувшины), кулкулча или хумча (большие кувшины для воды), тогора (миски для тесто) /10, с.89./. Посуда расписывалась красками и орнаментировалась не сложными рисунками. Однако сама традиция росписи в Самарканде была практически забыта. И нередко в город специально приезжали мастера из Риштана и Ходжента для росписи посуды. Весь цикл производства посуды отличался примитивностью, и, по свидетельству исследователей, сами мастера хотели бы улучшить производство, чтобы выдержать конкуренцию с фабричным товаром. С развитием фабричного производства традиционные виды самаркандской и ташкентской поливной керамики полностью исчезли. Поливная керамика Узбекистана прошло большой исторический путь развития, характер которого определяется целым рядом факторов – социально-экономических, политических и собственно эстетических. Развитие социально-экономических отношений, рост городов влияли на образование его локальных школ и на характер преемственности традиций; образ жизни и способ хозяйствования порождали свои принципы мироощущения и соответствующие формы и разновидности художественного ремесла, тесно связанного с материальной культурой. Народные промыслы и ремесла в Узбекистане традиционно занимали важное место в системе экономических отношений, а также в повседневной жизни, являясь неотъемлемой частью традиционного ремесла. Лишь на протяжении XX века, с изменением социально-экономических условий, ремесленное производство в Узбекистане постепенно уходило на второй план. Уступая место промышленной продукции. Последствия этого весьма отрицательно сказывались и на творческой структуре художественных ремесел – они теряли присущее им качество, утрачивалась орнаментальная культура,

нарушалась преемственность традиций. В результате в процессе урбанизации и технической революции исчезли из повседневного обихода многие бытовые предметы, в том числе и керамика.

В конце XIX-XX веке сложились и определились основные центры узбекского гончарства. Керамика каждого центра, переживая общие тенденции развития, сохраняла неоспоримые локальные черты. По стилю художественного оформления, пластическим и технологическим особенностям можно выделить три основные современные керамические школы Узбекистана: северо-восточную Ферганскую; центральную – по направлению север-юг бухаро-самаркандскую; северо-западную Хорезмскую. На протяжении XX века в керамике сохраняются и развиваются традиции керамических школ, сложившиеся в регионе в конце XIX – начало XX веков. Своеобразным рубежом исламской керамики можно определить 20-30-е годы XX века. Именно в этот период связи с изменениями политических формации, социально-экономических отношений, собственно эстетических ценностей, происходит смена смысловых и пластических художественных значений орнамента в область мемориальных ценностей при сохранении его роли в декоративном украшении традиционных изделий сувенирного характера.

В целом преемственность в орнаментальном стиле сохраняется. В то же время идет процесс дальнейшей декоративизации как первичных архетипов (древний и средневековый периоды), так и вторичных (предметные изображения конца XIX – начало XX вв.). Также в керамику проникают архетипы третьего поколения – внесенные в новое время (1930-50-е и 1990-е годы). В этот период усиливается осознание индивидуальной значимости творчества керамиста.

Появление новых форм пластических искусств во второй половине XX века и изменение социальных условий бытования традиционных ремесел естественно привело к определенным трансформациям орнамента изделий, к постепенному нивелированию исламского компонента в поэтике поливной керамики.

Список литературы:

1. Большаков О. Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии X-XII вв.// Эпиграфика Востока, 16.- Москва-Ленинград. - 1963.
2. Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (9-17 вв). В кн.: Керамика Хорезма. ТХАЭЭ, вып.4.-Москва.- 1959; Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII- начало XIII в).- Ташкент.- 1979; Брусенко Л. Г. Зооморфные мотивы в глазурованной керамике Бинкета X-XII вв. История материальной культуры Узбекистана. Вып.12. - Ташкент. - 1975; Бяшимова Н. Поливная керамика Южного Туркменистана.- Ашхабад. - 1989.
3. Кимелев Ю. А. Философия религии.- Москва – 1998.
4. Пугаченкова Г. А. Шедевры Средней Азии.- Ташкент. – 1986.
5. Пугаченкова Г.А. Самаркандская керамика XV в. // Труды САГУ. Археология Средней Азии. Гуманитарные науки. Кн. 3. Нов. сер. Вып. XI.- Ташкент.- 1950.; Timur and the Princely vision, Persian art and culture in the fifteen century, Thomas W.Lentz and Glenn D.Lowry.- Los Angeles.- 1989.
6. Ташходжаев Ш. С. Художественная поливная керамика Самарканда X-нач.XIII вв.-Ташкент. – 1967.
7. Хакимов А. А. Искусство и ремесла тюркоязычных народов Центральной Азии: динамика развития и формы симбиоза (к постановке проблемы).- Тезисы научной конференции «Традиции и новаторство в искусстве Центральной Азии (История и современность)».- Ташкент.- 1995.
8. Хакимов А. А. Изобразительно-орнаментальные образы и мотивы прикладного искусства. В сб. Художественная культура средней Азии X-XIII вв. - Ташкент.- 1983.
9. Хакимов А. А. Искусство и ремесла тюркоязычных народов Центральной Азии: динамика развития и формы симбиоза (к постановке проблемы).- Тезисы научной конференции «Традиции и новаторство в искусстве Центральной Азии (История и современность)».- Ташкент. - 1995.
10. Шедевры самаркандского музея. - Ташкент.- 2004.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРОГНОСТИКА ЗАБОЛЕВАНИЙ В РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ КАРЕЛОВ

Пашкова Татьяна Владимировна

*д.и.н., Петрозаводский государственный университет,
185026, РФ, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33*

THE PROGNOSIC OF DISEASES IN THE RELIGIOUS AND MYTHOLOGICAL VIEWS OF THE KARELIANS

Tatiana Pashkova,

*Doctor of History, Petrozavodsk State University,
185026, Russia, Republic of Karelia, Petrozavodsk, Lenina Street, 33*

Аннотация. Согласно верованиям карелов болезнь может являться не только следствием патологии, но и возникнуть в результате воздействия «дурного глаза», природных стихий, животных, птиц и т. д. Поэтому в жизненном укладе карелов было много различных правил и предписаний, регламентирующих поведение человека для избежания возникновения болезней, восстановления и сохранения здоровья. Заболев, карелы в первую очередь, пытались определить источник или причину заболевания, так как именно определение «виновника» заболевания являлось одним из главных успехов для выздоровления. Целью научной статьи является определение способов прогностики заболеваний в представлениях карелов. В качестве задач были поставлены следующие. Во-первых, выявить способы прогностики недугов и их значение в лечебной практике карелов. Во-вторых, проанализировать роль знахаря в ритуалах выявления причин возникновения недугов. В-третьих, определить локальные особенности у групп карелов (собственно-карелов, ливвиковских и людиковских карелов) в способах прогностики заболеваний. В результате проведенного исследования можно абсолютно четко сказать, что все группы карелов считали определение источника и причины заболевания отправной точкой к успешному излечению.

Abstract. According to Karelian beliefs, the disease can be not only a consequence of pathology, but also arise as a result of the “evil eye”, natural elements, animals, birds, etc. Therefore, there were many different rules and regulations governing human behavior in the way of life of Karelia to avoid the occurrence of disease, restore and maintain health. Sicknes, Karelians in the first place, tried to determine the source or cause of the disease, since it was the definition of the “culprit” of the disease that was one of the main successes for recovery. The purpose of the scientific article is to determine the ways of predicting diseases in the views of Karelians. The following tasks were set as tasks. First, to identify ways of prognostics of ailments and their importance in the medical practice of Karelians. Secondly, to analyze the role of the healer in rituals to identify the causes of diseases. Third, determine the local features of Karelian groups in the prognostic methods of diseases. As a result of the study, it can be absolutely clearly stated that all groups of Karelians considered determining the source and cause of the disease as the starting point for a successful cure.

Ключевые слова: верования, заболевания, мифология, народная медицина, традиции карелов.

Key words: beliefs, diseases, mythology, traditional medicine, Karelian traditions.

В представлениях карелов выявление причинно-следственных связей появления заболевания являлось необходимым условием для успешного избавления от него. Это было связано с мифологическим представлением карелов о возникновении недугов. У карелов устойчиво сохранялись верования в духов-хозяев, связанных с окружающим природным миром и жизнедеятельностью человека, почитание которых было принято повсеместно на территории проживания карелов. В противном случае, духи-хозяева могли наслать на человека различные несчастья и недуги. Одним из основных способов лечения «насланных» заболеваний считалось задабривание духов-хозяев подарками и просьба их о прощении в форме произнесения заговоров. Для этого было необходимо иметь четкое представление об источнике и причине возникшего заболевания.

Диагноз, причина и место возникновения недуга устанавливалось различными способами. Во-первых, больной, проанализировав свой маршрут и действия, которые он совершал во время пути, пытался сам выявить, кого и где он «разгневал». Во-вторых, ему могло это присниться. В-третьих, самым радикальным и действенным способом считалось обращение к знахарю [1, с. 69].

Если карелы ни по симптомам, ни по поверьям, ни по предвестникам не могли понять, откуда болезнь «пристала» и «к смерти» она или нет, то они обращались к знахарю. Только знахарь мог определить, где и когда больной заболел.

Одним из способов определения истока болезни у карелов было гадание на решетке. Знахарь ставил решето на стол, сверху клал икону, по правую и левую сторону решета – два уголька, символизирующие болезнь, приставшую от воды, а сверху и снизу – кусочки хлеба, обозначающие болезнь, приставшую от леса. Над решетом он держал руку, в которой между большим и указательным пальцами, была зажата нитка с иглой. Одновременно знахарь произносил заговор, в котором просил показать, откуда болезнь пришла/пристала:

*Sano arpa syitä myöt'en,
elä miehen mieltä myöt'en!
Kun ollou veistä
niim mäne hiilestä hiileh,
Kun ollou metsästä, mäne
Leivästä leipäh!*
[11, с. 16]

Скажи жребий о причинах,
существуй по уму человека!
Если болезнь от воды,
то двигайся от угля к углю,
если от леса, то двигайся
От хлеба к хлебу!
(перевод автора).

Таким же способом знахарь мог определить умрет больной или выздоровит. В этом случае на кончик иглы с ниткой втыкали маленький кусочек хлеба, «чтобы у иголки глаз был». Если игла двигалась от хлеба к хлебу, то больной поправится, а если от уголька к угольку – больной умрет. Зачастую люди не верили в движение иглы и просили еще раз: «*Sano Pyhä Pohročča prautoa, elä milma valehtele!*» – ‘Скажи, Святая Богородица, правду, не обманывай меня!’ и вновь следили за ее движением. Так можно было делать трижды [11, с. 111].

С помощью решета и хлеба искали причину болезни и ведлозерские знахари. Под решето клали платок или шапку, по обеим сторонам – 15-копеечные монеты, а на противоположные стороны – угольки. Хлеб крепили на иглу с длинной ниткой, поднимали руку высоко, придерживая другой рукой, чтобы не было шевеления. Далее смотрели, куда игла покажет: если движется от монеты к монете, значит, болезнь пристала от воды или земли, если от угля к углю – от чего-нибудь другого. Так делали не менее пяти раз, меняя иглы, монеты, угольки, чтобы точнее убедиться в источнике заболевания [2, с. 112]. В народной медицине славян причину заболевания устанавливали только с помощью угля, решето и хлеб не использовали. В мифологических представлениях решето – это перегородка в иной мир. В магии и гаданиях углю придавалось большое значение, чему способствовал его черный цвет [3, с. 348, с. 420], [7, 432].

Другим способом для определения источника и причины заболевания считалось обращение к знахарю. Для этого знахарю надо было тайком положить вещь больного (например, под подушку), и он видел во сне, откуда болезнь пришла: «*uniloi myö arboallah vigahizeks*» – ‘по снам гадают на хворь’ [9, с. 622]. В д. Машезеро (Беломорский р-н) знахарю в изголовье тайком клали волос или пояс больного [5, с. 281]. Карелы Повенецкого уезда (Олонецкая губерния) относили знахарю пояс и крест, по которым он разгадывал болезнь «с глазу, с ветру или с доброй воли». Определив источник болезни, знахарь давал наставления, как надо правильно попросить прощения (например, у хозяина/духа воды или леса): ночью или вечером, во вторник или четверг, нашептать на соль или на воду. Иногда он сам лечил больного в бане. Исход лечения нельзя было никому рассказывать [4, с. 50].

Знахарь мог определить происхождение недуга по жидкости. Один из способов заключался в следующем: крестик заболевшего опускали в деревянную чашу с водой, затем чашу покачивали и смотрели в воду [8, с. 894]. Другой способ: знахарь брал рюмку вина или чашку чая, капал в них ртуть (как вариант: переливал воду из одной посуды в другую) и смотрел происхождение болезни по жидкости [10, с. 63].

В случае тяжелой болезни, карелы Петрозаводского уезда произносили молитву «Сон Богородицы» и просили объяснить и показать во сне: отчего заболевание «пришло», не сглазил ли кто больного. Чтобы такой сон увидеть, тайно клали в изголовье (кому клали – не указано – прим. автора) оставшуюся после ужина скатерть с крошками, сопровождая действия упомянутой молитвой. Если сон не показал, а больной не поправлялся, то тогда прибегали к следующему ритуалу: на утренней заре, взяв образ «Воскресения Христова», шли к реке, пяясь, считали от десяти: девять, во веки один, болезни – аминь (плюют), восемь, во веки один, болезни – аминь (плюют) и так далее до одного. Дойдя так до реки, говорили: «Царь земной и небесный, хозяин водяной, дай водицы не для хитрости, не для мудрости, а окунать раба Божьего». После этого окунали в воду икону, вынимая из воды, держали ее над сосудом и таким способом собирали воду. Погружали икону до девяти раз, приговаривая те же слова, с которыми шли к воде. Собрав воду, шли домой. Водой, принесенной из реки, обмывали больного, снятую с него одежду хоронили в подполье, забывая ее в землю осиновым клином. Больного одевали в чистую одежду, икону, с которой ходили на реку, клали ему на грудь, прикасались хлебом к спине больного девять раз, каждый раз произнося вышеупомянутые слова. Затем больного накрывали скатертью, обкуривали ладаном и прощались с ним, как с умершим. Так делали трижды. Воду брали в трех разных местах. Это считалось уже последним средством: или больной поправится или умрет [6, с. 673].

Таким образом, выявление причинно-следственных связей появления заболевания являлось необходимым условием для успешного избавления от недуга. Для этого карелы чаще всего обращались к знахарям, особенно в тех случаях, если заболевание возникало внезапно и не имело рационального объяснения. Прогностика заболеваний была идентичной у всех групп карелов (собственно-карелов, ливвиковских и людиковских карелов). Ведущее место в этих ритуалах было у знахаря.

Список литературы

1. Иванова Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы. Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. Часть первая. – М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. – 557 с.
2. Миронова В. П. Фольклорные традиции Ведлозерья. – Петрозаводск : Verso, 2013. – 414 с.

3. Плотникова А. А. Уголь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2012. – Т. 5. – С. 346–350.
4. Повенецкие корелы. Их домашний и общественный быт, поверья и предания // Олонецкие губернские ведомости. – 1863. – № 14. – С. 50.
5. Степанова А. С. Устная поэзия тунгудских карел. Петрозаводск: Периодика, 2000. – 384 с.
6. Суевия и предрассудки в простом народе // Олонецкие губернские ведомости. – 1885. – № 76. – С. 673–674.
7. Топорков А. Л. Решето // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2009. – Т. 4. – С. 432–437.
8. N. N. Народные суевия и предрассудки, знахари и колдуны (в Мяндусельгской волости, Повенецкого уезда) // Олонецкие губернские ведомости. – 1875. – № 80. – С. 893–894.
9. Karjalan kielen sanakirja. – Helsinki : Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, IV. 1993. 610 s.
10. Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia. Porvoo: WSO, 1924. 186 s.
11. Virtaranta P. Vienan kansa muistele. Porvoo; Helsinki: WSO, 1958. 804 s.

ВКЛАД ГОРОДСКОЙ ДУМЫ В РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ В 1870-1892 ГГ.

Даноян Валерий Левович

Канд. ист. наук, доцент, МИРЭА- Российский технологический университет, доцент кафедры «История»

119454, РФ, г. Москва, Проспект Вернадского, д.78

INVIMISMEN OF THE CITY DUMA IN THE DEVELOPMENT OF EDUCATION AND CULTURE IN THE LOWER NOVGOROD IN 1870-1892.

Valery Danoyan

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of «History» Chair, «MIREA - Russian Technological University»,

119454, Russia, Moscow, Vernadsky prosp. 78

Аннотация. В статье анализируется деятельность Нижегородской городской думы по развитию образования и культуры в Нижнем Новгороде в 1870-1892 гг.

Abstract. The article analyzes the activities of the Nizhny Novgorod City Council on the development of education and culture in Nizhny Novgorod in the years 1870-1892.

Ключевые слова: самоуправление, городская дума, культура, училища, библиотека деятельность.

Keywords: self-government, city council, culture, schools, library activities.

Согласно статье 2 Городового положения 1870 года к функциям городских дум относится «участие в попечении и о народном образовании», а также устройство театров, библиотек, музеев и других подобного рода учреждений.» [1.Ст. 2.].

Вклад нижегородского городского управления в развитие образования в Нижнем Новгороде был значительным. Дума отпустила средства для начальных училищ разного типа, открыла и содержала за свой счет ремесленное училище, построила здание реального училища и вносила третью часть средств на его содержание.

К 1871 году в Нижнем Новгороде было пять начальных училищ (Благовещенское, Ильинское, Владимирское, Минино-Пожарское, Новоуличное) с десятью учителями при 385 учащихся. Их содержание обходилось думе в 9 тыс. руб. Через десять лет, в 1881 году, училищ стало уже тринадцать с 23 учителями и 12 законоучителями при 1310 учащихся. За четырехлетие 1879 –1882 гг. город выделил на их содержание 46,5 тыс. руб. [2]. В 1890 году город принимал участие в содержании 17 начальных училищ [3], мужской классической гимназии, Мариинской женской гимназии, Владимирского реального, Кулибинского и уездного училищ и городского трёхклассного заведения в Макарьевской части. Всего на содержание учебных заведений в 1889 году городская дума выделила 66,5 тыс. рублей [4.].

Для расположившихся в Канавине в арендуемых частных домах мужского и женского приходских училищ городская дума купила в 1882 году каменный трехэтажный, крытый железом дом на Александровской улице [5]. Владелец дома, нижегородский купец Василий Козьмич Марков, продавал его за 12 тыс. руб. с рассрочкой на 4 года, но после переговоров с городской головой он сделал следующее заявление: «Во внимание того, что дом мой требуется городу для общественной надобности, я согласен продать его нижегородскому городскому общественному управлению с принадлежащей к нему землею и строениями за 10 тыс. руб., которые и уплатить мне из городской кассы в течение десяти лет равными частями, то есть по одной тысяче рублей в год без процентов». Дума разрешила городской управе купить этот дом на столь выгодных условиях [6.]. Управа подыскивала и приобретала с разрешения думы дома и для других училищ. К 1885 году в принадлежащих городу домах занимались ученики восьми городских начальных училищ.

Поддерживала дума материально и находившееся в Нижнем Новгороде уездное училище. В 1874 – 1875 годах в уездном двухклассном училище было 156 учеников, из них 136 жили в городе, остальные – в близлежащих селениях. Училище было переполнено. Обследовавший его инспектор Московского учебного округа указал на ненормальность того, что в первом классе училища вместо положенных сорока учатся 62 школьника. Он предложил изыскать средства для открытия второго («параллельного») первого класса и изыскать на это средства. Требовалось 600 рублей в год. Училище могло ассигновать только 348 рублей («не без ущерба для своего благосостояния»). Недостающие 252 рубля дума решила ежегодно выделять училищу [7.].

Директор народных училищ Нижегородской губернии Овсянников в 1878 году попросил думу увеличить содержание параллельного первого класса до 600 руб. в год, «без чего класс этот поставлен будет в необходимость прекратить свое существование». Дума удовлетворила это ходатайство. Впоследствии дума стала выделять еще 600 рублей на второй параллельный класс и содержала специальный класс бухгалтерии, выплачивая для этого 240 руб. в год [8].

Для подготовки квалифицированных рабочих Нижегородская городская дума основала в 1872 году Кулибинское ремесленное училище. Для этого она собирала капитал еще с 1867 года, когда нижегородский купец первой гильдии А. С. Калинин-Шушляев завещал 10 тыс. руб. в городской общественный банк на учреждение в Нижнем Новгороде ремесленного училища. Дума постановила ежегодно добавлять к капиталу Шушляева по 2 тыс. руб. из городского банка. В этот капитал вливались пожертвования торгово-промышленных обществ и частных лиц. К началу деятельности новой думы по Городовому положению 1870 года капитал достиг 25 тыс. руб., что позволило открыть училище 19 марта 1872 года. Кулибинским оно было названо по предложению краеведа Н. И. Храмцовского в связи с тем, что во время основания капитала – в 1868 году – Нижний Новгород отмечал пятидесятилетнюю годовщину кончины гениального механика-самоучки Ивана Петровича Кулибина [9. С.36.]. Училище давало знания в пределах программы городских уездных училищ, а сверх того готовило мастеров по обработке дерева (столярное, токарное и модельное мастерство) и по обработке металла (кузнечное, слесарное, литейное мастерство). Обучали также «обращению с машинами» и их ремонту. В первый год работы в училище было 16 учеников, во второй – 28, в 1874 – 1884 годах – около пятидесяти ежегодно. В 1884 – 1888 годах от шестидесяти до девяноста, в 1889 – 1892 годах – более ста. На содержание училища в 1872 – 1873 учебном году дума затратила 6,5 тыс. руб., а в 1891 – 1892 учебном году – вдвое больше: 13 тыс. руб. [9. С. 36-37, 63].

Дума обеспечивала училище и учебным корпусом. В 70-е годы для училища дума арендовала дом. Одновременно шла работа по постройке для него собственного дома. Специально для училища в 1871 году дума покупает у домовладельца Вердеревского дом на Большой Печерской улице с флигелем и обширным земельным участком при нем. Этот кирпичный дом предназначался под квартиры и был еще не достроен, поэтому с апреля 1873-го до декабря 1875 года шла его достройка и приспособление к учебным целям: перепланировка основного корпуса (новые стены, переборки, двери, окна, печи, чугунная лестница и др.) и надстройка каменных стен флигеля, который был оборудован под столярную мастерскую. Всего было затрачено на это 14 тыс. руб. [10.]. Дом этот, правда, перестроенный, занимает теперь Речное училище им. Кулибина.

Отметим, что неправомерным является причисление Кулибинского ремесленного училища к государственной системе профессионального образования [11. С.27-28.]. Документы о его образовании убедительно свидетельствуют, что училище было создано и содержалось не государством, а городским общественным управлением Нижнего Новгорода.

В 1872 году Нижегородским Мининским братством был открыт приют, а при нём школа и три мастерские: столярная, медно-жестяная и переплетная. Для содержания приюта и училища начиная с 1875 года городская дума выделяла по 500 рублей в год [12.], увеличив эту сумму до 1000 рублей в 1889 году [13].

Нижегородская городская дума оказывала материальную помощь и учащимся государственных средних учебных заведений: губернской мужской гимназии и Мариинской женской гимназии. В каждой из них городская дума постановлением от 31 декабря 1871 года учредила по 25 стипендий в 30 рублей каждая на полный гимназический курс по 1882 год включительно. Сумма эта равнялась годовой плате за обучение, то есть 50 гимназистов и гимназисток обучались бесплатно за счет думы. В связи с повышением в 1880 – 1881 учебном году платы за обучение до 40 рублей, стипендии эти были также увеличены до 40 рублей. Кроме того, с 1884 года в женской и с 1888 года в мужской гимназиях дума оплачивала содержание внештатных («параллельных») классов и приготовительного класса в мужской гимназии. С 1879 года дума выдавала женской гимназии пособие на ее содержание по 3 тыс. руб. в год. Всего дума отпускала в год мужской гимназии 3200 руб., женской – 5300 руб. [9. С.34].

В губернской гимназии и реальном училище дума учреждает еще две стипендии имени активного ее гласного К. И. Садокова в связи с его отъездом в Москву для работы в Московском учебном округе [14.].

Срок выплаты стипендий гимназистам и гимназисткам закончился в 1882 году. По просьбе директора гимназии, «озабоченного положением тех бедных воспитанников, для которых почти невозможно продолжать свое образование без сторонней помощи», дума решила «продлить выдачу городских стипендий в местных мужской и женской гимназиях на текущий учебный 1882 – 1883 год», а вопрос о дальнейшей судьбе стипендий оставлен был думой открытым до коронавания императора Александра III

[15.]. Делегация Нижегородской думы посетила коронацию и вручила новому императору серебряную копию хоругви Козьмы Минина. После этого дума в ознаменование «священного коронования их императорских величеств государя императора Александра Александровича и государыни императрицы Марии Федоровны» решила продлить еще на 10 лет выплату стипендий из городских средств по 25 стипендий мужской и женской нижегородским гимназиям, поставив условие о выплате стипендий «преимущественно воспитанникам из жителей Нижнего Новгорода» [16.].

В период действия городского самоуправления по положению 1870 года учреждений культуры в Нижнем Новгороде было немного. Важнейшим из них была городская общественная библиотека. Городская публичная библиотека в начале 60-х годов была открыта для посещения читателями. Для заведования библиотекой губернатор А. А. Оudinov в 1865 году назначает особый комитет из сословных представителей. Накануне введения Городового положения 1870 года администрация принимает решение передать ее в собственность города [9. С.39-40.].

В 1873 году был разработан устав библиотеки. Для руководства ее делами дума избирает 13 марта этого же года комитет из трех человек на три года без жалованья. В первый состав комитета вошли Полуярославцев, Покровский и Байкальский, а также неперменные члены от администрации.

Согласно уставу, помещение для библиотеки обязан был предоставить город. Первоначально она занимала городское помещение на Верхнем Базаре, а в мае 1878 года была переведена в арендованный городом дом на Варварской улице [17.].

Комитет по управлению нижегородской городской библиотекой в 1882 году пересмотрел и исправил устав библиотеки. Дума его одобрила и направила по инстанции сначала губернатору, а тот – министру внутренних дел. Последний его утвердил без изменений, а дума 29 сентября 1882 года определила: «Вновь утвержденный устав городской публичной библиотеки ввести в действие, дав знать о сем комитету библиотеки, и напечатать устав в потребном количестве экземпляров» [18.].

Согласно уставу «библиотека принадлежит городскому обществу, ее учредившему» и «состоит при Нижегородской городской думе, но имеет свое особенное управление». Средства библиотеки «зависят преимущественно от пособий нижегородского городского общества», а другую часть средств составляют пожертвования («имена лиц и суммы пожертвования публикуются в «Губернских ведомостях», и каждому из них доставляется печатный лист за печатью библиотеки и подписью всех членов комитета») [19. § 1, 5, 8.].

По уставу «городская библиотека управляется комитетом, состоящим из членов: троих постоянных, избираемых городской думой на четыре года, без жалованья, шестерых неперменных». Неперменными членами были директора всех средних учебных заведений и начальных училищ Нижнего Новгорода. Что касается отношений с властями, то «городская библиотека находится под покровительством губернатора, как почетного ее попечителя».

Практическими делами библиотеки ведали председатель комитета, избираемый городской думой и трое выбранных думой из числа ее гласных, на которых возлагалась «забота о благосостоянии библиотеки и расширении круга ее деятельности» [19. § 3, 4, 11, 12, 17.].

Председателем комитета дума 21 января 1883 года избирает Александра Серафимовича Гацкого, гласного думы с 21 декабря 1878 года. Постоянными членами комиссии городской публичной библиотеки тогда же были избраны А.А.Савельев, В.В.Сапожников, Д.А.Венский, однако Савельев, сославшись на свою занятость, отказался от этой должности и на его место был избран А.В.Баулин. По предложению последнего дума увеличила ассигнования на библиотеку на 500 рублей в год [20.].

Театр был другим учреждением культуры, которое поддерживала материально городская дума, хотя и в меньших масштабах, чем городскую библиотеку. Здания театра в городе не было [21]. По утвержденному Николаем I плану перестройки Нижнего Новгорода, в нем должно было быть построено здание театра на площади, границы которой лично начертал император. Площадь сохранялась и благоустраивалась городом, как «повеленная» («по высочайшему повелению»). Так как театр должен был быть построен за казенный счет, то после длительной переписки с властями постройка здания театра была отменена. Возведение на Театральной площади здания театра началось лишь в 1896 году.

В период же действия Городового положения 1870 года в Нижнем Новгороде гастролировали различные театральные труппы, всегда бедствовавшие материально. Так, осенью 1875 года «содержатель театра в Нижнем Новгороде коллежский ассессор Смольков обратился с просьбой о субсидии от городского общества в три тысячи рублей, иначе он с 1876 года вынужден будет закрыть в Нижнем Новгороде театр и играть только во время ярмарки, в течение пяти недель» [22]. Дума отложила вопрос до утверждения городской приходно-расходной росписи на 1876 год, но в расходах города на этот год театру не было выделено ни копейки.

Во время театрального сезона 1881–1882 года в городе гастролировала «артель» артистов, осуществлявшая постановки пьес без антрепренера и импресарио. Она давала спектакли в частном доме, арендуемом у Тыртова. Как считал распорядитель и режиссер артели Д. А. Золотарев (театральный псевдоним – Бельский), труппа «имела удовольствие заслужить внимание и расположение публики». Однако валовой сбор за сезон в 24 тыс. руб. был недостаточен для содержания труппы: 16,5 тыс. руб. ушли на аренду помещения и его освещение, декорации, приглашение оркестра, хора, статистов и другие необходимые для постановки спектакля расходы. На 26 артистов артели осталось лишь 7,5 тыс. руб. Тогда режиссер 11 марта 1882 года обратился с письмом к городскому голове, прося субсидию, чтобы не уезжать

в другой город, а стать постоянным театром Нижнего [23.]. Пойдя навстречу артистам, дума ассигновала артели 2 тыс. руб. на сезон 1882–1883 года. Условиями для выплаты субсидии в конце сезона были: 1) поставить один спектакль в пользу благотворительных заведений города и 2) дать не менее четырех «народных представлений» с половинной стоимостью билетов. Такие же субсидии в 2 тыс. руб. были предоставлены театральным труппам в 1883–1884 и 1889–1890 годах [9. С.39.].

Важной для развития науки и культуры организацией в Нижнем Новгороде была Нижегородская губернская ученая архивная комиссия. Губернские комиссии создавались по взаимному соглашению столичного Археологического института с местным губернатором для «сосредоточения и вечного хранения архивных дел и документов». Комиссии стали создаваться в губернских городах на высочайше одобренных 13 апреля 1884 года началах. После длительной подготовки Нижегородская губернская ученая архивная комиссия начала свои действия 17 октября 1887 года в Ивановской башне Нижегородского кремля [24. С. 161, 163.].

В учреждении архивной комиссии приняла участие и Нижегородская городская дума. Через год после выхода положения о комиссии дума принимает 8 марта 1885 года решение «ассигновывать ежегодно из городских средств по 300 руб. в пособие местной ученой архивной комиссии по изысканию и сохранению памятников русской старины» [25.]. Первым председателем НГУАК был Александр Серафимович Гациский, член городской управы и активный гласный городской думы. Не без его влияния ассигнования управы архивной комиссии год от года увеличивались: в первый год функционирования комиссии ей действительно было ассигновано 300 руб., во второй, 1888 год – 379 руб., в 1889 году – 374 руб., в 1890 году – 500 руб. [26.].

Поддерживала дума и «Общество распространения начального образования», выделяя по 300 рублей в год для проведения «народных чтений в Нижнем Новгороде, которые привлекают массу слушателей из числа беднейших, безграмотных и полуграмотных жителей города».

Список литературы:

1. Городовое положение 1870 года. СПб, 1870.
2. Городской управы доклад о деятельности... за четырехлетие 1879 – 1882 гг. // Протокол думы 12 ноября 1882 года. С. 11. Приложение.
3. Благовещенское, Ильинское, Полевое, Троицкое, Ново-Троицкое, Предтеченское, Рождественское, I Новое, II Новое, III Новое, Георгиевское, Сергиевское, Макарьевское, Минино-Пожарское, училище и школа при приюте графини Кутайсовой, школа при Вдовьем доме.
4. ГАНО. Ф. 30. Оп. 35. Т. II. Д. 4087. Л.133.
5. Ныне улица Интернациональная в Канавинском районе.
6. Протокол Нижегородской городской думы от 9 июля 1882 года. Ст.105. С. 3-4.
7. Протокол Нижегородской городской думы № 27 от 3 октября 1875 года. Ст. 3. С. 3-4.
8. Протокол Нижегородской городской думы от 6 февраля 1878 года. Ст. 34. С. 14-15.
9. Краткий очерк состояния городского хозяйства и благоустройства г. Нижнего Новгорода за истекшее 25-летие со введения в нем Городового положения 1870 г. Н. Новгород: Тип. Ройского и Душина, 1895. С. 36.
10. Протокол Нижегородской городской думы № 37 от 30 декабря 1875 года. С.2-4.; Ф. 30. Оп. 35. Т. I. Д. 1531.
11. Берельковский И. В. К истории становления государственной системы реального образования и профессионального обучения в Нижегородской губернии (70-90-е XIX в.) // Образование в Нижегородской области: история и современность: Материалы региональной научно-практической конференции. Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1997.
12. Протокол Нижегородской городской думы № 20 от 27 июня 1875 года. Ст. 1. С. 2.
13. ГАНО. Ф. 30. Оп. 35. Т. II. Д. 4087. Л. 131.
14. ГАНО. Ф. 30. Оп. 35. Т. I. Д. 2313. Лл. 1, 1об.
15. Протокол Нижегородской городской думы от 4 февраля 1883 года. Ст. 37. С. 12-14.
16. Протокол Нижегородской городской думы от 11 ноября 1883 г. Ст. 152. С. 4-5.
17. Протокол Нижегородской городской думы от 15 ноября 1876 года. Ст. 171. С. 17.
18. Протокол Нижегородской городской думы от 29 сентября 1882 года. Ст. 120. С. 2.
19. Устав городской библиотеки в Нижнем Новгороде. Н. Новгород: тип. Ройского и Душина, 1882.
20. Протокол Нижегородской городской думы от 14 января 1883 года. Ст. 6. С. 4-5.; Протокол Нижегородской городской думы от 22 июня 1884 года. Ст. 121. С. 14-15
21. С середины и до конца XIX века театральные труппы арендовали помещение в доме Бугровых на углу улиц Б.Покровской и набережной Зеленского съезда.
22. Протокол Нижегородской городской думы от 20 февраля 1876 года. Ст. 32. С. 9-10.
23. Протокол Нижегородской городской думы от 19 марта 1882 года. Ст. 36. С. 8-9.
24. Макарихин В. П. Губернские учёные архивные комиссии России. Н.Новгород,1991.
25. Городской управы доклад о деятельности за четырехлетие 1883 –1886 гг. // Протокол думы 7 ноября 1886 года. С. 26. Приложение.
26. Ведомость о приходе и расходе... за четырехлетие с 1887 года по 1890 год включительно... Приложение 3 к докладу городской управы... С. 34.

ФИЛОЛОГИЯ

ФОРМИРОВАНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЕРУНДИВА В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ И ДРЕВНЕЙШИХ ДЕШИФРОВАННЫХ ЯЗЫКАХ

Балута Анастасия Анатольевна

Доцент, доктор филологических наук

Московский государственный областной университет, Москва

Профессор кафедры романистики и германистики

Герундив – глагольное имя адъективного характера, которое образуется не во всех индоевропейских языках и имеет специфическое значение. Как правило, герундив передает семантику долженствования или намерения совершить действие. Он распространяет значение причастий или заменяет отсутствующие причастные формы. Предпосылки для образования герундива наблюдаются уже в самых древних дешифрованных языках (шумерский, эламский).

В шумерском языке в некоторых типах словосочетаний, где употреблялось глагольное имя с суффиксом *-ed*, в переводе проявляется дополнительное значение возможности совершения действия: “*kur geštin biz-biz-zé (biz-biz-ed)*” «гора (из которой) может капать вино» [3, с. 182]. Значение возможности позволяет сопоставить отдельные случаи употребления шумерского глагольного имени с индоевропейским герундивом.

В эламском языке герундив имеет тот же показатель, что и герундий. Это формант *-n*, который обычно находится в слове на третьей позиции. Герундив может обозначать цель, причинность результативность или условность: “*tur-na-m-rə [tur-(u)-ma-n-rə]*” «чтобы не знали», “*kut-ma-m/n-rəЭ*» «если бы унесли», “*EL-ma-n-rə*» «если подумает» [2, с. 103]. Эламский герундив, как и причастие состояния, в предикативном употреблении может иметь показатели лица и спрягаться, как непереходное сказуемое. Это позволяет сопоставить данную форму с аккадским стативом.

В хиндустани герундив имеет звуковое и графическое сходство с инфинитивом. Герундивом здесь считается глагольное прилагательное со значением долженствования или необходимости действия. Это имя обладает формами мужского и женского рода: *likhnā* «писать» - *likhnā* «долженствующий быть написанным» (м. род), *likhnī* «долженствующая быть написанной» (ж. род.). Различие между инфинитивом и герундивом определяется контекстуально: *main likhnā cāhtā huñ* «я хочу писать» (инфинитив) – “*mujhko ek khat likhnā hai*” «мне нужно написать письмо» (букв.) «у меня есть письмо, которое должно быть написано» (герундив) [1, с. 68]. Герундив может употребляться в значении императива: *bolnā* «должно быть сказано». Если просьба относится к настоящему времени, то она характеризуется большой степенью вежливости: «благоволите сказать» [1, с. 78]. Однако, принимая во внимание то обстоятельство, что форма инфинитива во многих индоевропейских и семитских языках также может иметь императивное значение, в хиндустани нельзя определенно утверждать, что во фразе со значением приказа употребляется именно герундив, а не инфинитив.

В талышском языке в значении герундива употребляется причастие будущего времени (или причастие долженствования). Оно образуется от глагольной основы с помощью окончания *-anin*: *vinde* «видеть» - *vindanin* «долженствующий увидеть» [6, с. 158].

В тохарских языках образуются две формы герундива (или причастия долженствования) с помощью суффиксов *-l*, *-lye*, *-lle* [8, с. 97]. Герундив I образуется от основы настоящего времени и обозначает действие, которое должно совершиться: “*tāmuo ruk kārsnāl wram knānmuneyo lyalku cī*” «поэтому всякая вещь, которую надлежит знать, знанием освещается тобой» [8, с. 98]. Герундив II образуется от основы конъюнктива и передает значение возможности совершения действия: “*klopasu wrasom mā ontam tmat kālpāl tāk*” «страдающее существо никак там нельзя было найти» [8, с. 68]. От каждого вида герундива можно образовать отглагольное существительное с суффиксом *-une*, *-ñe*, аналогичное немецкому субстантивированному инфинитиву на *-ung*: *tsrelñe* «разделение» [8, с. 69].

В латышском языке (балтийская группа) значение герундива передает страдательное причастие настоящего времени на *-ams* (ж.р. *-ama*), образующееся от основы настоящего времени: **nesams, nesamais** «несомый» или «тот, которого можно или нужно нести», **nesama** «несомая» или «та, которую можно или нужно нести» [7, с. 177].

В кельтских языках причастие на *-tjo* может иметь значение герундива: *nephjodlide* «неделимый» (др.-ирл.) [5, с. 357]. В кельтских языках существует и собственно герундив, имеющий в различных языках разные окончания: в ирландском *-thi*, в валлийском *-dwy*, в корнском *-dow*, в древнебретонском *-toe*. В первичных глаголах окончание примыкает непосредственно к корню. В глаголах на *-a* и на *-i* окончание примыкает к основе: *leicthi* «быть оставленным» (ирл.); *car-a-dwy* «достойный любви» (вал.); *caradow* «достойный любви» (корн.); *Karadou* «достойный любви» (ср.-брет., имя собственное). В ирландском языке герундив является несклоняемой формой (кроме калек с латинского, возникших при переводе библейских текстов) и имеет только предикативное употребление. Он может управлять Винительным падежом имени или местоимения: “*is oissi menmain*” «этого надо остерегаться» [5, с. 358].

Латинский герундив – это глагольное прилагательное, которое образуется по принципу герундия, с помощью суффикса *-nd, -end* с добавлением родовых окончаний *-us* (м. род), *-a* (ж. род), *-um* (с. род): *legendus, a, um* «читаемый, ая, ое». В некотором роде латинский герундив является эквивалентом причастия настоящего времени страдательного залога, но может передавать и другие значения, например, значения существительного как объекта действия: “*laboris ferendi causa*” «ради выполнения (выполняемой) работы» [4, с. 171]. В предикативном употреблении латинский герундив в сочетании с формами глагола «быть» передает значение долженствования: “*Pacta servanda sunt*” «договоры должны соблюдаться» [4, с. 171]. При этом герундив может употребляться как в личной, так и в безличной конструкции: “*Liber mihi legendus est*” «мне следует почитать книгу» [4, с. 172].

Таким образом, можно заключить, что в индоевропейских языках герундив редко выделяется в самостоятельную грамматическую категорию (как в латинском и кельтских языках), чаще он имеет второе название «причастие долженствования» (в талышском, тохарских и латышском языке) или имеет внешнее сходство с инфинитивом (хиндустани).

Список литературы:

1. Баранников А.П. Хиндустани (урду и хинди). Учебник. Л., Изд-е Ленинградского Восточного Института, 1934. 518 с.
2. Дьяконов И.М. Языки Древней Передней Азии: монография. М., Наука, 1967. 390 с.
3. Канева И.Т. Шумерский язык. 2-е изд., доп. и перераб. Монография. СПб., «Петербургское Востоковедение», 2006. 240 с.
4. Латинский язык: Учеб. для пед. ин-тов. Под ред. В.Н. Ярхо и В.И. Лободы. 6-е изд., стер. М., Высш. шк., 2000. 384 с.
5. Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. Пер. с англ. А.А. Смирнова. 2-е изд. испр. Учебное пособие. М., УРСС, 2002. 512 с.
6. Миллер Б.В. Талышский язык. Учебник. М., Издательство АН СССР, 1953. 267 с.
7. Сталтмане В.Э. Латышский язык./ Языки мира: Балтийские языки. М., Academia, 2006. С. 155-193
8. Тохарские языки. Сборник статей. Под ред. и с вступит. статьёй В.В. Иванова. М., Изд-во иностранной литературы, 1959. 213 с.

STUDYING ELEMENTS OF ONOMASIOLOGY IN ENGLISH

Saparbaeva Gulandam Masharipovna

*English teacher of Roman-German philology department, UrSU
Atamuratov Dilshod Olimboy o'g'li, a graduate student at Urgench State University*

In written discourse, phraseological units are very rarely found in academic writing; they are more commonly found in fiction, to promote the illusion of oral mode in dialogues, and in journalistic prose and miscellaneous texts. The list of English idioms and proverbs includes a number of complex units with proper names. They include idioms that are still in use as well as some bookish or outdated expressions. Use the lists for studying and understanding idioms, and not for active use. Uzbek translation of the idioms below can be approximate.

Olympian calmness	imperturbable calmness	Bezovta qilinmaydigan tinchlik
Pandora's box	a source of various unforeseen troubles and evils	Har qanday misli ko'rilmagan azob va tashvish manbasi
Pyrrhic victory	a victory where the loss is bigger than the gain	G'alaba, lekin yutuqdan ko'ra talofot ko'proq
Sisyphean labor	Sisyphean task: endless, hard and useless labor or task	Og'ir, befoyda va tugamaydigan ish

In the discussion, we have noted the tendency to polarize characters into good and bad and give them characteristic names. It may however be worth noting here that when a writer describes and names a character in a given way, the fixed nature of the may end up endangering the freedom to change of the individual character as already noted in the foregone A character may be more than the name encapsulates. In this paper an attempt has been made at showing how the use of names in English literature is cynical This becomes even more apparent considering most of the English creative writers come from societies that attach a lot of significance to names and naming understanding of the meanings of characters' names conveys better theme, events as well as adding characterization. Names play a big role in the general framework of the whole story The use of meaningful names appears to be teleological, thematically and , sometimes even, ideologically, significant serving a foregrounding or a de-familiarizing role They do allow the write to weave and create a more powerful symbolic strategy. We can proverbs with elements of onomasiology.

All work and no play makes Jack a dull boy.	Working without having a rest make people exhausted and bored	Tinimsiz mejnat odamni holdan toydiradi va bezdiradi
Bacchus has drowned more men than Neptune	One person influenced much worse than the other	Bunisi nargisidan battarroq
Caesar's wife must be above suspicion	The people who are beside the high and mightiest should have impeccable reputation.	Rahbar yonidagi shaxs shubhadan holi va obro`etiborga molik bo`lishi kerak

We can therefore note that the method as well the process of naming or coming to recognize a name is intimately and intricately associated with not only the production of the individual natives but also with the subsequent process of reading the resultant native Names of literary characters in majority of English literary texts are important nodal points where aesthetics and teleology come to converge. Diachronic cognitive onomasiology investigates the main strategies that exist in a language metaphoric words and concepts in time sample far conceptualizing and verbalizing a given concept and tries to explain them against a cognitive background in terms of salient perceptions, prominence, convincing similarities. It asks for the source concepts that seem to be universally recurrent, lays bare the associative relations between source and target concepts and describes the lexical processes used by the speakers. It thus requires a double framework of associative relations which virtually can combine with any process of lexical innovation. This theoretical foundation also allows the description and explanation of changes towards a cognitively more prominent strategy and of reorganizations of conceptual structures. Furthermore can we, to a certain extent, predict which strategy will be the most probable to be taken by speakers when they produce lexical innovation? In this sense, a history of concepts that integrates semasiology change on the level of the individual designation contributes to a better understanding of how reality (or what man holds it to be) is perceived and interpreted and thus may serve as a modest contribution of linguistics to a better understanding of the human mind.

Without a shadow of a doubt, phraseological units with an onomastic element are often culturally specific because they refer to a unique denotative meaning belonging to the national culture. They absorb and accumulate cultural elements that are handed down and integrated into the cultural memory by permanent use of these phraseological expressions. As is evident from the analysis of both English and Slovene PUs, the salient feature is that reference in English as well as in Slovene PUs is often made to people or places with which the members of the respective culture (either British or Slovene) are familiar. Proper names that are characteristic of a given culture should be observed from different points of view, ranging from historical and geographical to cultural, linguistic, cross-linguistic and social. Many phraseological units are motivated by extra-linguistic phenomena belonging to the collective memory of a given nation (cf. Szerszunowicz, 2008: 118-119). Here, we can agree with Pierini (2008) that in this case, denotative and connotative meaning is established by extracting important pieces of information from world knowledge associated with each of them. If this is not the case, the process of decoding such a phraseological unit may pose problems or may even result in an incorrect interpretation or translation.

By surveying four idiom dictionaries (Collin's common dictionary of idioms, Longman Dictionary of English Idioms, Longman idioms dictionary, Oxford Dictionary of Idioms), we collected a total of 91 expressions, selecting the units labeled as 'British' or without any geographical label: 69 idioms, 5 binomials, 11 similes and 6 formulae. For each unit, we provided usage labels, when found in dictionaries ('derogatory', 'euphemistic', 'humorous', 'colloquial/informal', 'formal', 'dated', 'old-fashioned', 'archaic', 'slang', 'literary'). The manner of arrangement chosen to present the list of data is by phraseological type and syntactic structure. At the end of the work we provide the list of English idioms with proper names with the definitions and Uzbek translation. It is essential to be aware of the importance of the relationship between language and culture because of the high cultural specificity of phraseological units whose comprehension and translation depend considerably on knowledge of the universal, national or local character of such units. This is also reflected in the PUs studied in our research where only very few parallels with the same proper name can be found between the two languages. A more thorough study of culture-specific PUs with onomastic elements from different perspectives would doubtlessly contribute to a higher level of cross-cultural awareness.

Reference

1. Blank, Words and Concepts in Time Meaning, naming, and context. Berlin/New York.
2. Haugen, Einar (1950): "The analysis of linguistic borrowing". In: Language 26, 210-231.
3. Johnson, Mark (1987): The Body in the Mind: The Bodily Basis of Reason and Imagination. Chicago.

VOCABULARY TEACHING STRATEGIES USING IN ESP CLASSES

Saparbaeva Gulandom Masharipovna

*senior teacher, Urgench state university
Uzbekistan, Urgench city*

Pirnazarova Manzura Matnazarovna

*assistant professor, Urgench state university
Uzbekistan, Urgench city*

Egamberganova Yulduz Toxirovna

*student, Urgench state university
Uzbekistan, Urgench city*

Annotation. Vocabulary in different text types and ways of dealing with them in language learning. This article deal with the teaching strategies in EFL. In addition to this, vocabulary in different text types are discussed in it.

Key words: ESP class, vocabulary presentation, L1, teachers benefit, cognitive strategies

According to Gu and Johnson, vocabulary learning strategies are subdivided into cognitive, metacognitive, memory and activation strategies. They further contended that these strategies are classified into various substrategies based upon which cognitive strategies include competent use of dictionaries, guessing and note-taking strategies. Learners who are able to use guessing strategies bring their background knowledge into play and utilize linguistic cues to guess the meaning of a word. Likewise, they claimed that selective attention and self-initiation strategies are metacognitive strategies. For instance, language learners who make use of selective attention strategies decide to pay heed to specific parts of the language input or the situation that will help learning. Further, rehearsal and encoding strategies are types of memory strategies. Making a word list and repetition are memory strategies. Activation strategies refer to the strategies through which learners practically use newly-learned words in different language contexts. To illustrate, learners may put words into sentences for better remembering. Rubin differentiates strategies contributing directly to language learning from those conducting indirectly to learning. Generally speaking, according to Rubin, there are three types of strategies applied by learners that contribute directly or indirectly to language learning as the following: (A) Learning Strategies, (B) Communication Strategies, and (C) Social Strategies.

A) Learning Strategies

Learning strategies, including cognitive learning strategies and metacognitive strategies, directly contribute to the learners' language development. Cognitive learning strategies refer to the steps or actions taken by the learners to deal with the learning materials. Cognitive learning strategies contributing directly to language

learning are classified as the following: (a) clarification / Verification (b) Guessing / Inductive inferencing (c) Deductive Reasoning (d) Practice (e) Memorization (f) Monitoring. Metacognitive learning strategies are used by the learners to manage, regulate or self-direct language learning. Metacognitive learning strategies encompass such processes as planning, prioritizing, setting goals, and self-management.

B) Communication Strategies

Communication strategies are not directly conducive to language learning insofar as these strategies are used to focus upon the ways as to participate in a conversation or to communicate a message and elucidate the intended meaning of the speaker. To put it more plainly, communication strategies are utilized by the speakers to overcome their communication problems when interacting with others.

C) Social Strategies

By means of social strategies learners participate in activities by which they take the opportunities to expose themselves to and practice their language knowledge. These strategies provide exposure to the target language, but they contribute indirectly to learning since they do not lead directly to the obtaining, storing, retrieving, and using of language.

The main intent of language learning strategies is to evolve communicative competence. In the words of Oxford, language learning strategies are categorized into two broad groups, namely direct and indirect strategies. Direct strategies, as she puts it, are those strategies which are directly conducive to language development. Cognitive, memory and compensation strategies are regarded as direct strategies. Cognitive strategies, as an example, can be used by the learners to make sense of their learning, memory strategies to store information, and compensation strategies can be applied to help learners to overcome their communication problems. Indirect strategies, nonetheless, can conduce to and manage language learning without necessarily involving language learning directly. Indirect strategies include metacognitive strategies, to control and direct learning, affective strategies, to handle emotional issues in language learning contexts, and social strategies, to enhance interaction with the target language. Kojic-Sabo and Lightbown classified learners into different groups with regard to the vocabulary learning strategy. Learner independence and time were determining factors in the vocabulary learning profiles of the two most successful groups. The results revealed that the foreign language learners were more likely to utilize a review strategy than the second language learners. They also suggested that "time and learner independence were the two measures mostly related to success in vocabulary learning and higher overall English proficiency".

Writers such as Moulton, Twaddle, Schoutenvan Parreren, Sternberg have placed considerable emphasis on the value of reading and the importance of context in the learning of word meanings. However, in discussions of

vocabulary learning and the value of context, it is not always clear how the discussants conceptualized the influence of the context surrounding the unknown word. This lack of clarity arises because writers do not always clearly draw the distinction between comprehension of word meaning in context and the acquisition of word meaning from context.

There are numerous techniques concerning vocabulary presentation. Gairns and Redman suggest the following options for vocabulary presentation.

1. visual techniques
2. verbal techniques
3. dictionaries

Visual techniques for the presentation of new lexical items pertain to visual memory, which is considered helpful especially with vocabulary retention. Learners can remember the presented material far more effectively if it has been presented by means of visual aids. They help students associate presented material in a meaningful way and incorporate it into their existing system of language.

Teachers can benefit from the use of:

1. flashcards,
2. photographs and pictures, blackboard drawings
3. word pictures
4. information on culture
5. labelling pictures / objects
6. mime and gesture
7. action
8. incongruous visuals

However, before I start to present a new vocabulary, it is useful to implement some recommendations:

1. Spoken language precedes written mode. When our students can pronounce words, we can introduce their written form. This can prevent them from trying to pronounce English words as if they were written in their own language.

2. Try to present new words in context.

3. Revision is essential. We can blend new words into later practice.

Teacher can choose from several ways of presenting vocabulary and making clear its meaning. He can use these separately or in combination with each other. The way to present the meaning of many abstract words is through the creation of a context or a situation that is helpful when deducing the meaning of a word. When we want to present person's feature as "innocent" it is very useful to create a character who is innocent. If it is necessary we can accompany example by mime or drawing, or taken from magazines, newspaper or books. They are widely used to show meaning and mostly useful for teaching concrete items of vocabulary such as food or furniture, and certain areas of vocabulary such as places, professions, descriptions of people, actions and activities. Pictures help teachers to encourage children on the task more easily, teaching vocabulary in a fun way and present the ideas without translation.

Research studies show that we remember new words much more easily if we think about them in relation to our own experience and use them in a context that is meaningful to us as individuals. So, as well as doing the exercises in vocabulary within or outside the lesson, learners have to write any new words and phrases that they particularly wish to learn in a context that has meaning for them. They could, for example, use language units in a sentence about what they have had personally, or about a story they have read in newspaper or magazine or about a film they have watched. It helps to revise the vocabulary they have and making the words personal and more memorable. Unlike the learning of grammar, which is a rule-based system, vocabulary knowledge is mostly a question of accumulating separate items. To facilitate vocabulary teaching in B2 level classes there have been several techniques provided by linguists and methodologists. Traditionally, vocabulary has been taught with a word list, L1 meanings, example sentences, definitions, antonyms and synonyms. Though traditional way of vocabulary teaching has been criticized therefore many scholars have suggested various modern vocabulary teaching techniques for B2 level learners.

It is obvious that children learn a wide range of vocabulary to communicate with others in context. In order to contextualize the vocabulary teachers need to use different techniques to teach it. The foremost common techniques to teach university students vocabulary are by real things (realia), actions (gesture), pictures (illustrations, posters), songs, storytelling, games, using readings, etc. Different linguists provide different reason to illustrate why these techniques are useful in B2 classes.

References

1. Brown, H. D. 1994. *Teaching by Principles – An Interactive Approach to Language Pedagogy*. New Jersey: Prentice Hall Regents.
2. Cairns, R. and Redman, S. 1986. *Working with Words: A Guide to Teaching and Learning Vocabulary*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Carter, R. and McCarthy, M. 1991. *Vocabulary and language teaching*. London: Longman.
4. Harmer, J. 1991. *The Practice of English Language Teaching*. London: Longman.
5. Keller, E. – WARNER, S.T. 2002. *Conversation Gambits*. Boston: Thomson Heinle.
6. Krashen, S. D. 1982. *Principles and Practice in Second Language Acquisition*. Pergamon Press.
7. Wilkins, D. A. 1972. *Linguistics in Language Teaching*. London: Arnold.

СОЦИОМОРФНАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ НЕГАТИВНОГО ОБРАЗА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Чемоданова Виктория Александровна

студентка факультета иностранных языков национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск

SOCIAL-MORPHIC METAPHOR AS MEANS OF FORMING A NEGATIVE IMAGE IN THE ENGLISH-LANGUAGE MASS MEDIA DISCOURSE

Chemodanova Viktoriia

student of the Faculty of Foreign languages of the National Research Tomsk State University, Tomsk

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей метафор социоморфной модели и ее роли в современном англоязычном публицистическом дискурсе. Анализируя политические публикации интернет-изданий, автор показывает, как концептуальные метафоры со сферами-источниками игра, война и театр используются в качестве инструментов воздействия на общественное мнение.

Abstract. The article is devoted to the analysis of social-morphic metaphors and their role in modern English-language media discourse. As a result of the analysis of web-based political publications the author reveals the workings of conceptual metaphors with such source domains as game, war, and theater as instruments for exerting influence on public opinion.

Ключевые слова: концептуальная метафора; метафорическая модель; социоморфная метафора; политический дискурс;

Key words: conceptual metaphor; metaphorical model; social-morphic metaphor; political discourse;

С развитие международных отношений и сложной политической обстановки в современном мире, средства массовой информации все больше выполняют не только образовательную и развлекательную функции, но также оказывают серьезное влияние на мировоззрение и поведение человека в целом. Создание положительного или негативного образа какого-либо субъекта политических отношений нередко определяется социальными и идеологическими факторами: выражаемая в СМИ оценка их деятельности может «обуславливаться задачами политической борьбы, противостоянием идеологий, потребностями позитивной, идейной и моральной самопрезентации, часто связанной с устремлением к компрометации оппонента» [1. С. 47].

Нередко необходимое влияние достигается за счет использование в текстах концептуальных метафор, являющихся одним из инструментов прагматического воздействия на читателей, формирования их концептуальной картины мира. Под концептуальной метафорой понимается ментальная репрезентация, в рамках которой структура области источника проецируется на структуру области цели за счет набора соответствий между этими концептуальными сферами. Такие метафоры могут иметь как положительное, так и отрицательное воздействие, упрощая информацию для лучшего понимания или же скрывая ее важные части.

Изучение концептуальных метафор является одним из основных направлений современной когнитивной лингвистики, при этом прагматические аспекты таких метафор в англоязычном публицистическом дискурсе все еще остаются актуальной и недостаточно изученной темой.

Говоря о подобных метафорах, нельзя не отметить теорию метафорического моделирования А. П. Чудинова, основанную на теории концептуального анализа и применимую к политическому дискурсу. Автор вводит понятие метафорической модели, определяя ее как «существующую и/или складывающуюся в сознании носителей языка схему связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой «X это Y» [2. С. 131], в которой отношения между X и Y являются не прямым отождествлением, а подобием. Система фреймов «сферы-источника» выступает основой для моделирования ментальной системы «сферы-магнита», в которой сохраняется как структура, так и эмотивный потенциал исходной области, тем самым воздействия на эмоционально-волевою сферу адресата в процессе коммуникативной деятельности.

В своих работах он выделяет несколько семантических или понятийных сфер-источников метафорической экспансии: антропоморфную (со сферами-источниками «Анатомия», «Болезнь», «Семья» и др.), природоморфную («Климат и погода», «Стихийные бедствия» и др.), артефактную («Офис», «Интерьер», «Механизм» и др.) и социоморфную метафору («Война», «Преступность», «Экономика» и др.).

В ходе проведенного нами анализа англоязычных публицистических текстов было выявлено, что наиболее востребованной на настоящий момент является социоморфная метафора, интерпретируемая в трех основных метафорических моделях: ПОЛИТИКА – ЭТО ИГРА, ПОЛИТИКА – ЭТО ВОЙНА, ПОЛИТИКА – ЭТО ТЕАТР. К их числу относятся более 52% от всех выявленных нами концептуальных метафор. Особенности прагматического воздействия данных моделей на читателей будут рассмотрены далее.

ПОЛИТИКА – ЭТО ИГРА

Политическая деятельность довольно часто концептуально репрезентируется в англоязычных СМИ через лексику, метафорически представляющую ее в виде азартной игры, что объясняется особенностями восприятия политики в американском обществе:

Putin's *placing bets around the globe the way a gambler lays chips on a felt table. Will they pay off? You can't win if you don't play* [3]. Russia at the center of attention wherever it chooses to be, with a leader who seems *unafraid to gamble...*[3]. Ukrainian president Petro Poroshenko *has staked his country's future and his own chances at re-election to a second term on three gambles* [4]. *Ukraine has made a postmodern gamble* [5]. ... a plan that *truly reflects the stakes of this conflict* not just for Ukraine, but for the United States [6]. But whatever the forms the Sino-American *competition* is going to take, *the stakes are incredibly high* [7].

Такие метафоры, как правило, имеют негативный прагматический потенциал. Сам образ азартной игры репрезентует такие ключевые идеи, как рискованность, опасность, удача и неудача, случайность, азарт, хитрость, обман, успех и провал. В подобных метафорах политические деятели или страны, выступающие в роли азартных игроков, стремящихся сорвать банк, как будто дистанцируются от народа и его проблем, отдавая приоритет своим личным интересам. Так как предполагается, что политический деятель должен быть искренним, следовать правилам честного соперничества и думать в первую очередь о судьбе своего государства и его граждан, метафоры данной модели формируют у читателя негативное отношение к субъектам политической деятельности.

Ко второй группе принадлежат метафоры, представляющие политическую действительность как спортивную игру:

the value that *Russia champions on the world stage is sovereignty* [3]. Yeltsin repeatedly *dealt* that historic Russian experiment *grievous, possibly fatal, blows* [8]. ... *jockeying* for the Democratic presidential nomination [9].

Распространенность спортивной метафоры в политическом дискурсе обусловлено тем, что в политике, как и в спорте, присутствует элементы соперничества и борьбы за лидерство. При этом степень жесткости такой борьбы нередко определяется видом спорта, реалии которого находят себе метафорическое применение: так, использование терминов борьбы и бокса создают более агрессивное и тревожное представление политической реальности, чем образы других видов спорта. Хотя данная метафорическая модель имеет общие концептуальные смыслы с представленной выше моделью азартных игр («азарт», «рискованность», «успех или провал»), в этом случае они имеют более позитивный прагматический потенциал. Это обусловлено тем, что в спортивной деятельности предположительно участвуют честные игроки, ведущие справедливую борьбу за первое место.

ПОЛИТИКА – ЭТО ВОЙНА

Еще более часто политическая деятельность представляется в виде военного конфликта. В рамках данной метафорической модели выделяются 2 группы метафор: военные действия и элементы вооружения.

В первой группе политическая деятельность осмысливается как военные конфликты между партиями, где участники выступают врагами, а сферы деятельности – военными фронтами:

other new *Cold War fronts* were becoming more fraught with *hot war* [10]. It could merely be a clever ploy by his campaign advisers or a *smokescreen* for a weak presidency [11]. Russia's Foreign Ministry *shot back* [12]. Zelenskiy will also face daunting challenges *on the home front* [13].

Милитарная модель несет в себе негативный прагматический потенциал, создавая у читателей впечатления агрессивности и жестокости политики, стремление участников не к компромиссу, а к уничтожению конкурента. Как и рассмотренная ранее метафорическая модель «политика – спорт», данная модель также предполагает наличие соперников, борьбы, победы и поражения, но обладает более выраженной отрицательной коннотацией.

Также в военной метафорической схеме различные меры политической борьбы и события часто осмысливаются как вооружение и его элементы. Одним из самых разрушительных видов оружия, применяемых на войне, являются бомбы и прочие виды боеприпасов:

On November 25, this erupted into a small but *potentially explosive military conflict* at sea [10]. ... *a ticking time bomb wound ever tighter by Russiagate zealots* [14]. No one had to pick through this *minefield* more carefully than Jens Stoltenberg [15]. Trump is being pressured to help Kiev escalate the maritime war—yet another potential *trip wire* [10].

Прагматический потенциал данной метафорической модели заключается в возникновении у читателя чувства угрозы и вероятной или неизбежной опасности (тикающая бомба, бомба замедленного действия).

ПОЛИТИКА – ЭТО ТЕАТР

В рамках данной метафорической модели международная политика осмысливается как некое представление, участники которого играют определённые и заранее подготовленные роли:

Meanwhile, *the Russiagate spectacle...* [16]. National intelligence agencies have long *played major roles*, often not entirely visible, in international politics [9]. First, Putin *played the tough guy*. As *thousands in the audience watched and the cameras rolled*, ... <...> *The crowd clapped enthusiastically* [17].

Иногда театральная метафорика переходит в метафору цирка, подчеркивая несерьёзность и абсурдность происходящего:

Now that we are (one hopes) at the end of the two-and-a-half year *Russiagate circus...* [18].

Театральная метафорическая модель имеет интернациональный характер: метафоры с данной сферой-источником широко используется как в русскоязычном, так и в англоязычном публицистическом

дискурсе. В обоих случаях эти метафоры очень близки по составу фреймов и прагматическому потенциалу, делая акцент на абсурдности и наигранности политики, неискренности политических деятелей, их стремлении искусственно создать яркое «шоу» и тем самым отвлечь внимание от серьезных проблем. Такая метафора часто используется как средство сатиры, обращая внимание на актуальные политические проблемы.

Рассмотренные в данной работе примеры концептуальных метафор в англоязычных публицистических текстах показывают, как негативное эмоциональное отношение человека к понятию-источнику метафоры (ИГРА, ВОЙНА, ТЕАТР) переносится на субъект политической деятельности, тем самым формируя в сознании читателей негативное отношение к последнему. Это доказывает важную роль концептуальных метафор в конструировании социальной и политической реальности читателя путем эмоционального воздействия и определения его отношения к действительности.

Список источников и литературы:

1. Токарева, И.И. Функциональная структура газетного текста [Текст]// Лингвистические единицы разных уровней в языке и речи. – Краснодар, 1988. – 224 с.
2. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.
3. How Putin Built a Ragtag Empire of Tyrants and Failing States [Электронный ресурс] // TIME. 04.04.2019. URL:<http://time.com/5564173/how-putin-built-russian-empire/> (дата обращения: 21.05.2019).
4. Ukraine Wants to Be a Part of the West [Электронный ресурс] // The National Interest. 16.01.2019. URL: <https://nationalinterest.org/feature/ukraine-wants-be-part-west-41747> (дата обращения: 21.05.2019).
5. Can the Actor Who Ruled Ukraine on TV Do It in Real Life? [Электронный ресурс] // The New Yorker. 22.04.2019. URL:<https://www.newyorker.com/news/news-desk/can-the-actor-who-ruled-ukraine-on-tv-do-it-in-real-life> (дата обращения: 21.05.2019).
6. U.S. Has Done Much to Help Ukraine, But It Can Do More [Электронный ресурс] // Politico. 04.04.2019. URL: <https://www.politico.com/magazine/story/2019/04/04/us-russia-navy-ukraine-putin-226538> (дата обращения: 21.05.2019).
7. What Happens When China Becomes the Most Powerful Country in the World? [Электронный ресурс] // The National Interest. 10.04.2019. URL:<https://nationalinterest.org/feature/what-happens-when-china-becomes-most-powerful-country-world-51887> (дата обращения: 21.05.2019).
8. Who Putin Is Not [Электронный ресурс] // The Nation. 20.09.2018. URL:<https://www.thenation.com/article/who-putin-is-not/> (дата обращения: 21.05.2019).
9. Inconvenient Thoughts on Cold War and Other News [Электронный ресурс] // The Nation. 17.10.2018. URL: <https://www.thenation.com/article/inconvenient-thoughts-on-cold-war-and-other-news/> (дата обращения: 21.05.2019).
10. War With Russia? [Электронный ресурс] // The Nation. 03.12.2018. URL:<https://www.thenation.com/article/cold-war-russia/> (дата обращения: 21.05.2019).
11. Ukraine's Comedian President Doesn't Plan to Rule [Электронный ресурс] // Bloomberg. 26.04.2018. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2019-04-26/sri-lanka-bombings-shake-up-india-s-election-debate> (дата обращения: 21.05.2019).
12. Russia in Venezuela: Why Putin has sent troops to back up Nicolas Maduro [Электронный ресурс] // CBS News. 01.05.2019. URL: <https://www.cbsnews.com/news/russia-in-venezuela-why-vladimir-putin-troops-back-nicolas-maduro-vs-donald-trump-us/> (дата обращения: 21.05.2019).
13. Ukraine's comedian president will face serious challenges [Электронный ресурс] // CNN. 22.04.2019. URL: <https://edition.cnn.com/2019/04/21/opinions/ukraine-comedian-president-challenges-bociurkiw/index.html> (дата обращения: 21.05.2019).
14. The Fictitious 'Russian Attack' vs. the Real Imperative to 'Cooperate With Russia' [Электронный ресурс] // The Nation. 22.04.2019. URL: <https://www.thenation.com/article/the-fictitious-russian-attack-vs-the-real-imperative-to-cooperate-with-russia/> (дата обращения: 21.05.2019).
15. As NATO Envoys Celebrate, Signs of Fracturing From Within [Электронный ресурс] // The New York Times. 22.04.2019. URL:<https://www.nytimes.com/2019/04/04/us/politics/nato-anniversary.html> (дата обращения: 21.05.2019).
16. The Real Costs of Russiagate [Электронный ресурс] // The Nation. 22.04.2019. URL: <https://www.thenation.com/article/the-real-costs-of-russiagate/> (дата обращения: 21.05.2019).
17. In St. Petersburg, Putin offers a deza masterclass [Электронный ресурс] // Washington Examiner. 22.04.2019. URL: <https://www.washingtonexaminer.com/opinion/in-st-petersburg-putin-offers-a-deza-masterclass> (дата обращения: 21.05.2019).
18. How 'Russiagate' Has Reshaped American and Russian Public Opinion [Электронный ресурс] // The Nation. 22.04.2019. URL: <https://www.thenation.com/article/russiagate-bilateral-tensions-opinion-poll/> (дата обращения: 21.05.2019).

УДК 320
ББК 60

Сборник публикаций научного журнала "Chronos" «Актуальные вопросы общественных наук» г. Москва: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). –М : Научный журнал "Chronos ", 2019. – 40с.

Тираж – 300 экз.

УДК 320
ББК 60

Издательство не несет ответственности за материалы, опубликованные в сборнике. Все материалы поданы в авторской редакции и отображают персональную позицию участника конференции.

Контактная информация организационного комитета конференции:

Научный журнал «Chronos»

Электронная почта: society@chronos-journal.ru

Официальный сайт: chronos-journal.ru